

VITA № 3-4 ANTIQUA

КИЇВ

2001

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ІСТОРИЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГІЇ ТА МУЗЕЄЗНАВСТВА
ТОВАРИСТВО АРХЕОЛОГІЇ ТА АНТРОПОЛОГІЇ
МОЛОДІЖНИЙ ЦЕНТР РОЗВИТКУ ОСВІТИ, НАУКИ ТА КУЛЬТУРИ

VITA ANTIQUA

№ 3–4

Збірка наукових статей

КИЇВ
«СТИЛОС»
2001

ББК 63.02
В 79

Номер затверджено до друку на засіданні Вченої ради історичного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка 25 жовтня 2001 р.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

д.і.н., проф. Гладких М.І. (головний редактор)
к.і.н., асист. Рижов С.М. (відповідальний секретар)
д.і.н., проф. Залізник Л.Л.
д.і.н., проф. Крижанівський О.П.
д.і.н., проф. Борисенко В.К.
д.і.н., проф. Моця О.П.
к.і.н., с.н.с. Степанчук В.М.
к.і.н., н.с. Усик В.І.
к.і.н., доц. Малєєв Ю.М.
к.і.н., доц. Омельченко Ю.А.

РЕЦЕНЗЕНТИ:

д.і.н. проф. Буравченков Б.О.
д.і.н. проф. Станко В.М.

В 79 VITA ANTIQUA. – К.: Стилос, 2001. – № 3-4. – 202 с.

Збірник присвячено 60-річчю професора, доктора історичних наук, завідуючого кафедрою археології та музеєзнавства Київського національного університету імені Тараса Шевченка, палеолітознавця Гладких Махайла Івановича. До збірника включено статті провідних фахівців у галузі палеоліту і первісного суспільства України.

ББК 63.02

Засновник

Товариство Археології та Антропології

Адреса редакції:

01601, м. Київ, вул. Володимирська, 64, ауд. 164.

Реєстраційне свідоцтво КІ № 350, видане 8 лютого 1999 р.

Міністерством інформації України

© Товариство Археології та Антропології, 2001
© Колектив авторів, 2001
© «Стилос», оригінал-макет, 2001.
© Бородай Ю.О., обкладинка, 2001.

KYIV NATIONAL TARAS SHEVCHENKO UNIVERSITY
HISTORICAL FACULTY
DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY AND MUSEOLOGY
SOCIETY OF ARCHAEOLOGY AND ANTHROPOLOGY
YOUTH CENTRE OF DEVELOPMENT OF EDUCATION, SCIENCE AND ARTS

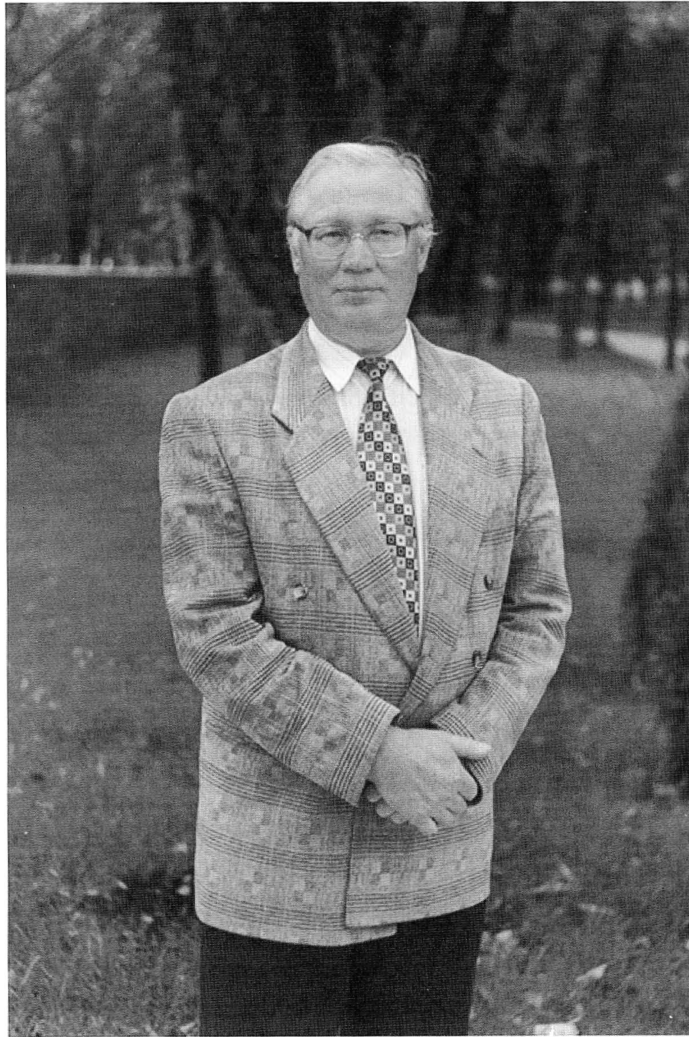
VITA ANTIQUA

№3-4

The collection of scientific articles

KYIV
«STYLOS»
2001

*Присвячується 60-річчю професора,
доктора історичних наук, завідуючого кафедрою
археології та музеєзнавства Київського національного
університета імені Тараса Шевченка,
палеолітознавця
Гладких Михайла Івановича*

Зміст

Кепін Д.В.

М.І.Гладких в історіографії палеоліту України 9

Гладких М.И.

Кремневый инвентарь межиричского позднепалеолитического поселения..... 15

Сапожников І.В., Сапожникова Г.В.

Співвідношення природно-господарських областей та господарсько-культурних типів (на прикладі пізнього палеоліту степової зони) 22

Сминтина О.В.

Проблеми взаємодії природи та суспільства в інтерпретаційній археології 31

Карпеченков А.Г. (Одесса)

Основные подходы к изучению памятника в англо-американской археологии 41

Иванченко Ю.В. (Одесский национальный университет)

Проблема исторической интерпретации памятников раннепервобытного монументального изобразительного искусства на территории современной Украины 47

Залізник Л.Л.

Культурно-історичні зв'язки Полісся у первісну добу.....51

Рижов С.М.

Культурна адаптація ранніх палеоантропів до природного середовища Центральної Європи 59

Коен В.Ю., Степанчук В.М.

Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе: проблемы таксономии и хроностратиграфии 78

Мацкевий Л.Г.

Палеоліт і мезоліт території сучасного Львова 108

Пясецкий В.К.

Среднеашельское местонахождение Меджибож 125

Рековец Л.И.

Териофауна и материальная культура местонахождения Меджибож 135

Пучков П.В.	
«Мамонтовое собирательство» вместо или после «мамонтовых побоищ»?.....	138
Оленковський М.П.	
Епіграветські та східно-епіграветські культури України	149
Горелик А.Ф.	
Охота на лошадей в жизнеобеспечении финальнопалеолитического населения Юго-Восточной Украины.....	156
Усик В.И.	
К вопросу о «гигантолитах», топотах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах. (По материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королево 2 и стоянки Радомышль)	167
Гавриленко І.М.	
Житлово-господарські комплекси мезолітичної стоянки В'язівка 4а: спроба реконструкції	180
Петрунь В.Ф.	
Жадеїт, серпентиніт та ультрамілоніт у шліфованих виробках Трипілля	189
Сніжко І.А.	
Методи дослідження слідів утилізації мисливської здобичі на фауністичних рештках епохи пізнього палеоліту	194
Список скорочень	201

Contents

Kepin D.V.

Professor Mihail. I. Gladkich in the historiography of Palaeolithic studies.....9

Gladkich M.I.

Flint collection of Mezirichy settlement of Upper Palaeolithic age 15

Sapozhnikov I.V., Sapozhnikova G.V.

On interrelation between the natural-economic zones and economic-cultural types
of Upper Palaeolithic steppe areas 22

Smyntyna O.V.

On problems of nature and society interaction in interpreting archaeology 31

Karpechenkov A.G.

Basic approaches to site study in British-American archaeology 41

Ivanchenko Y.V.

On problems of historical interpretation of Early Prehistory Monumental Art
on the territory of Ukraine 47

Zalizniak L.L.

On cultural-historical links of Polissya in Prehistory 51

Ryzhov S.M.

On cultural adaptation of early paleoanthropoids to natural environment
of Central Europe 59

Koen V.Y., Stepanchuk V.M.

On transition from Middle to Upper Palaeolithic in Eastern Europe: problems
of taxonomy and chrono-stratigraphy 78

Matskeviy L.G.

Palaeolithic and Mesolithic sites on territory of the modern Lviv 108

Piasetsky V.K.

Middle Acheulian Medzhibozh site 125

Rekovets L.I.

Teriofauna and represents palaeontological and paleolithic materials site
Medzhibozh 135

Puchkov P.V.	
«Mammoth hunting» instead or after «mammoth collecting»?	138
Olenkovsky M.P.	
Epigravettian and East-Epigravettian cultures in Ukraine	149
Gorelik A.F.	
Hoarse hunting in life of Upper Palaeolithic population of South-East Ukraine	156
Usik V.I.	
On «Gigantoliths» and Mousterian discs shapes on Upper Palaeolithic sites (based on re-assembling of complex 2 Korolevo-2 and Radomyshl site)	167
Gavrilenko I.M.	
Dwelling-household complexes of Mesolithic site Vyazivok-4A: reconstruction attempt	180
Petrun V.F.	
Jadeite, serpentinite and ultra-milonite in Tripolian polished tools	189
Snizhko I.A.	
Methods of investigation of utilisation of man's hunting and faunal remains on late Palaeolithic sites	194
List of abbreviations	201

А.Ф.Горелик

ОХОТА НА ЛОШАДЬ В ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИИ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ

Abstract

This article examines the problem of subsistence of the Final Palaeolithic population of the South-Eastern Ukraine. It was engaged with the horse hunting. The main sources of this analysis are the faunal complexes of the Final Paleolithic sites of Rogalikska – Peredelskoye region. Their origin was related, first of all, with wild horse hunting which had place, probably, in warm seasons of the year. From our point of view, the general way of hunting activity in Rogalikska – Peredelskoye region was expressed in stalking and an individual hunting of separate families of horses during their movement across highlands, plateau to the floodplains in conditions of broken ground country.

It's possible, that the bison was an additional hunting object and probably the bison acquisition in time had preceded the Rogalikska sites occupation. Most probably the last assumption concerns the reindeer hunting.

Faunal remains of wild horses probably may be explained as a result of permanent actions of hunters links with initial, second butchering and consuming.

It's possible to assume, that the typical pattern of hunting bag, which consisted of the wild horse, bison and to less extent reindeer was the specific trait of the final paleolithic Dnieper-Don steppes area population hunting activity.

Начиная со среднего палеолита специализированная охота на дикую лошадь играла важную роль в жизнеобеспечении палеолитического человека. Европейские материалы свидетельствуют о том, что в финальном палеолите значение специализированной охоты на дикую лошадь в отдельных регионах Европы не ослабевает, а усиливается [Olsen, 1989: 296; Musil, 1990: 31–32]. Интерес к этому факту во многом может быть связан с появляющимися в научной литературе гипотезами о начале одомашнивания дикой лошади в позднем палеолите [Bahn, 1978: 183–191; Пучков, Журавльов, 2000: 105]. Осознавая всю сложность обоснования данной гипотезы [см.: White, 1989: 609–676], нельзя не обратить внимание на высказанную ранее [Цалкин, 1956; Бибилова, 1967] и получившую новую жизнь гипотезу о выведении домашней лошади на базе крупной широкопалой лошади *E. Latipes Grotova* [Кузьмина, 1997: 181–190]. Современные данные археологии позволяют предполагать, что одомашнивание лошади началась ранее середины V тысячелетия до н. э. и прохо-

дила в степном междуречье Днестра и Дона [Котова, 1998: 46]. Поскольку одной из важных предпосылок одомашнивания животных многие исследователи считают специализированную охоту, то установление феномена специализированной охоты на дикую широкопалую лошадь в финальном палеолите Юго-Восточной Украины и сопредельных территорий представляет большой научный интерес, тем более, что анализ каменных индустрий, характерных для данного региона в финальном палеолите, свидетельствует об их генетической связи с индустриями, распространившимися здесь в раннем голоцене – начале атлантикума [Горелик, 1996а: 234].

Непосредственное отношение к анализу проблемы специализированной охоты на дикую лошадь в финальном плейстоцене имеют материалы исследований геологически синхронных стоянок Роголикско-Передельского района в бассейне среднего течения Северского Донца, датируемых дриасом 2, возможно, аллередом [Локтюшев, 1947: 283–287; Го-

релик, 1993: 112–119; 1996а: 232–234; 1996б: 209–218].

Культурные остатки, встреченные на этих памятниках, порой включали в себя в разной степени репрезентативные фаунистические материалы. Как правило, участки с костями животных были пространственно обособлены от скоплений артефактов из кремня, что может свидетельствовать об избирательном использовании поверхности стоянки ее древними обитателями для тех или иных видов деятельности. Абсолютное большинство костей животных артикулировано, представлено обломками с повреждениями как диафизной, так и эпифизной части костей. Степень сохранности поверхности костей на разных памятниках варьировала и во многом зависела от глубины залегания культурного слоя. В силу интенсивности тафономических процессов на стоянках Рогаликско-Передельского района проследить характерные следы деятельности человека при разделке и утилизации добычи, а также погрызы хищников практически невозможно.

Тем не менее, работа по определению костных остатков рогаликских стоянок, проделанная видными палеозоологами Т.И. Бибиковой, Н.Г. Белан и И.Е. Кузьминой, позволяет сделать определенные выводы о составе охотничьей добычи, о характере ее утилизации, высказать соображения о возможном времени охоты на представленных здесь промысловых животных и ее приемах.

Состав охотничьей добычи

По составу охотничьей добычи рогаликские стоянки во многом уникальны среди достаточно крупных поздневалдайских памятников азово-причерноморских степей, поскольку в их фаунистических коллекциях от 70 до 100 % составляют кости дикой широкопалой лошади (*Equus caballus latipes* Grom.) (табл. 1).

В наиболее представительных коллекциях со стоянок Рогалик-Якимовская (Рогалик I), Рогалик II «А», Рогалик III «В», Рогалик VII и Рогалик XII, помимо костей лошади, встречены малочисленные или единичные кости некоторых иных видов животных – бизона (*Bison priscus*) и северного оленя (*Rangifer tarandus*). Кости лисицы (*Vulpes vulpes*) и какого-то еще небольшого животного были выделены в относительно неплохо сохранившихся

	Рогалик II «А»			Рогалик III «А»			Рогалик III «В»			Рогалик V			Рогалик II «Д»			Рогалик VII			Рогалик XII						
	MNI	N	%	MNI	N	%	MNI	N	%	MNI	N	%	MNI	N	%	MNI	N	%	MNI	N	%				
																						MNB	MNB	MNB	MNB
1	5	83,3	221	1	100	16	100	4	89	73	98,6	1	100	1	100	12	100	4	66,7	86	76,1	5	83,3	121	96,8
2	0,5	8,35	4	1,8	-	-	-	1,5	11	1	1,4	-	-	-	-	-	-	2	33,3	27	23,9	0,5	8,35	2	1,6
3	0,5	8,35	1	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,5	8,35	2	1,6

Табл. 1. Фауна из стоянок Рогаликско-Передельского района

Элементы скелета	Роголик II «А»				Роголик III «А»		Роголик III «В»				Роголик VII				Роголик XII					
	Лошадь		Бизон		Лошадь		Лошадь		Бизон		Лошадь		Бизон		Лошадь		Бизон		Олень	
	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%	MNB	%
Фрагменты черепа (Cranial fragments)	-	-	-	-	-	-	1	1,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Верхняя челюсть (maxillae)	-	-	-	-	-	-	1	1,4	-	-	1	1,2	-	-	1	0,83	-	-	-	-
Нижняя челюсть (mandible)	-	-	-	-	-	-	4	5,5	-	-	3	3,5	1	3,7	4	3,3	-	-	-	-
Зубы верхней челюсти (The high mandible teeth)	127	57,5	1	25	4	25	9	12,3	-	-	25	29,1	7	5,9	33	27,3	-	-	-	-
Зубы нижней челюсти (The low mandible teeth)	65	29,4	-	-	2	12,5	24	32,9	-	-	17	19,8	7	5,9	48	39,7	-	-	-	-
Позвоночник (vertebrae)	5	2,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лопатка (scapulae)	2	0,9	-	-	-	-	2	2,74	-	-	5	5,8	-	-	2	1,7	-	-	-	-
Тазовые (pelvic)	1	0,45	-	-	-	-	4	5,5	-	-	4	4,7	-	-	2	1,7	-	-	1	50
Плечевая (humeri)	7	3,2	-	-	-	-	7	9,6	-	-	1	1,2	-	-	-	-	-	-	-	-
Бедренная (femura)	1	0,45	-	-	2	12,5	1	1,4	-	-	1	1,2	-	-	2	1,7	1	50	-	-
Лучевая (radius)	1	0,45	-	-	-	-	2	2,74	-	-	1	1,2	-	-	3	2,5	-	-	-	-
Большеберцовая (tibiae)	3	1,4	1	25	1	6,25	6	8,2	-	-	1	1,2	3	11,1	5	4	-	-	-	-
Локтевая (ulna)	-	-	-	-	-	-	1	1,4	-	-	-	-	-	-	1	0,83	-	-	-	-
Малая берцовая кость (fibula)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Кистевая, запястная, предплюсневые (carpals, tarsals)	-	-	-	-	-	-	1	1,4	-	-	-	-	2	7,4	3	2,5	1	50	-	-
Плюсневые, пястные (metapodiae)	3	1,4	1	25	2	12,5	6	8,2	1	100	22	25,6	12	44,4	5	4	-	-	-	-
Фаланги (phalanges)	4	1,8	1	25	2	12,5	3	4,1	-	-	1	1,2	1	3,7	6	5	-	-	-	-
Пяточная кость (calcaneum)	-	-	-	-	2	12,5	1	1,4	-	-	3	3,5	-	-	2	1,7	-	-	-	-
Астрагалы таранные (astragalus)	2	0,9	-	-	1	6,25	-	-	-	-	1	1,2	1	3,7	3	2,5	-	-	1	50
Ребра (ribs)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,83	-	-	-	-
Всего (Total):	221	100	4	100	16	100	73	100	1	100	86	100	27	100	121	100	2	100	2	100

Табл. 2. Структура элементов скелета животных в фаунистических комплексах Роголика

Табл. 3. Возрастные классы дикой лошади со стоянок Рогалика

Возрастные классы	Рогалик III «А»	Рогалик III «В»	Рогалик VII	Рогалик XII
Взрослые > 4 лет	2	2	2	3
Полувзрослые 3–4 года	2	1	1	1
Молодые < 3 лет	1	1	1	1

фаунистических материалах Рогалик-Якимовской стоянки [Локтюшев, 1947: 284].

Дикие лошади, судя по материалам четырех наиболее выразительных фаунистических комплексов, представлены примерно в одинаковых пропорциях тремя основными возрастными классами (табл. 3). Обращает на себя внимание то, что установленное минимальное количество особей лошадей, остатки которых встречены на стоянках, и их возрастная структура близки данным о составе маточных (гаремных) групп диких лошадей, имеющимся в литературе. Маточные, или гаремные, группы диких лошадей – наиболее типичное объединение лошадей, которое можно наблюдать в течение всего года. Оно состоит из 2–3 половозрелых самок (кобыла способна производить потомство один раз в два года, начиная с трехлетнего возраста), 2–3 одно- и двухгодовалых лошадей и одного зрелого самца не моложе 5–6 лет [Levine, 1983: 30]. Дополнительным аргументом в пользу возможного гаремного характера организации групп лошадей, на которых велся промысел обитателями рогаликских стоянок, является единичность клыков в составе коллекций многочисленных зубов. Представительность последних рассматривается как индикатор присутствия значительного количества взрослых жеребцов, что характерно для второго устойчивого типа объединения лошадей – холостяцкого табуна [West, 1996: 213]. Табун холостяков, состоящий из 5–11 особей [Gamble, 1986: 108], формируется из жеребцов в возрасте от 2 до 4,5 лет, а по другим данным – старше 3 лет, которые покидают семейный табун, изгоняемые доминирующим взрослым жеребцом [Баскин, 1976: 24]. Главное отличие холостяцкого табуна – отсутствие лошадей в возрасте от одного до двух лет [Levine, 1983: 30].

Незначительная представительность ювенильных особей в структуре возрастных классов лошадей Рогалика объясняется плохой сохранностью слабоминерализованных зубов и костей животных до одного [Levine, 1983: 36].

Зафиксированная разновозрастность животных, с которыми связаны фаунистические

остатки, не дает оснований говорить о ярко выраженных предпочтениях в процессе охоты на тот или иной возрастной класс. Учитывая это обстоятельство, а также археологический контекст фаунистических находок, специализированный характер фаунистического комплекса, сезонное поведение лошадей, можно как наиболее вероятное объяснение появления остатков дикой лошади в культурном слое стоянок Рогаликско-Передельского района рассматривать версию о разовом сезонном охотничьем промысле, в ходе которого выслеживалась и забивалась целая маточная группа.

Сохранность фаунистических остатков, характер утилизации животных

Состав костей дикой лошади, найденных на стоянках (табл. 2), позволяет прийти к некоторым заключениям о степени сохранности фаунистических остатков и об особенностях процесса утилизации убитых животных.

Степень влияния человека и тафономических процессов на сохранность фаунистических остатков может быть ориентировочно оценена из стандартного соотношения количества зубов и костей. Так, по данным М. Левайн, для взрослой особи лошади нормальное соотношение зубов и артикулированных костей равно 0.18 : 1.00 [Levine, 1983: 33]. В фаунистических комплексах Рогалика оно составляет: Рогалик II «А» – 7 : 1.00; Рогалик III «А» – 0.6 : 1.00; Рогалик III «В» – 0.9 : 1.00; Рогалик VII – 0.95 : 1.00; Рогалик XII – 2 : 1.00. Для сравнения приведем данные по доступным нам определениям массовых фаунистических материалов из нескольких позднепалеолитических памятников: Каменная Балка II – 1 : 1.00 [Leonova, Minkov, 1988: 203–230], Геннерсдорф – 0.8 : 1.00; Джоренз – 0.6 : 1.00 [Levine, 1983: 33].

Значительное преобладание количества зубов над костями в комплексе Рогалика II «А» свидетельствует не столько об особом характере утилизации забитых лошадей, сколько о худшей сохранности костей, особенно трубчатых, тонких, плоских, включая черепные и лопаточные, по сравнению с зубами. По мне-

нию Р. Клейна, большая долговечность, по-видимому, объясняет тенденцию значительного превалирования зубов практически всех видов животных, включая дикую лошадь, над прочими костями [R.Klein, 1987: 24]. Дж. Чэттерз приводит данные Лимэна о том, что вследствие тафономических процессов в составе археологических коллекций костей животных происходит увеличение доли элементов низкой пищевой ценности, которые по структуре кости более плотны и менее склонны к разрушению [Chatters, 1987: 343].

Худшая сохранность фаунистических остатков в культурном слое Рогалика II «А» подтверждается характером поверхности костей, отсутствием костей черепа, челюстей, которые были выделены в составе иных фаунистических комплексов Рогалика. Лучшая сохранность отмечена в материалах стоянок Рогалик III «А», Рогалик III «В», Рогалик VII и Рогалик XII.

Сравнение состава основных элементов скелета дикой лошади в пяти фаунистических комплексах Рогалика (табл. 2) позволяет говорить об их общем сходстве как по позитивным, так и по негативным признакам. Среди общих позитивных признаков – присутствие во всех сравниваемых коллекциях элементов черепного скелета (главным образом, зубов), костей конечностей, лопаток и тазовых костей. Если следовать логике Л. Бинфорда, который использовал общий модернизированный индекс утилизируемости карibu (MGUY) [Binford, 1978: tab. 27], применимый с оговорками и для оценки пищевой ценности частей дикой лошади, то среди остатков лошади, встреченных в фаунистических комплексах Рогалика, приблизительно в одинаковой степени выражены как части с высоким показателем пищевой ценности, так и с низким. Несколько выделяется в этом отношении комплекс Рогалик VII, в котором на фоне относительно более низкого содержания костей, представляющих богатые мясом части скелета, отмечен беспрецедентно высокий удельный вес подиумных костей, особенно метаподий (25,6 %).

Среди имеющихся различий между памятниками в составе костей и зубов скелета лошади, наличие которых является закономерным в силу разной сохранности коллекций, их недостаточной статистической репрезентативности, обращают на себя внимание различия в

соотношении зубов верхней и нижней челюстей. Так, в фаунистических комплексах Рогалик II «А» и Рогалик VII соотношение зубов верхней челюсти заметно, а в первом памятнике почти в два раза больше количества зубов нижней челюсти. Этим они отличаются от фаунистических комплексов Рогалик III «В», Рогалик XII, а за пределами Рогаликско-Передельского района – Каменной Балки II [Leonova, Minkov, 1988: 225], Торральбы, Амброны [R.Klein, 1987: 22], в которых отмечена противоположная ситуация. Отделение нижней челюсти связано с необходимостью извлечь язык, сломав при этом восходящую ветвь верхней челюсти (ascending ramus) или челюстной отросток (condyle) [Agenbroad, 1978: 44]. Дальнейшая утилизация нижней челюсти, которая могла приводить к разрушению зубов, в охотничьей практике этнографически изученных архаических обществ – явление исключительное. Л. Бинфорд приводит весьма показательную поговорку эскимосов: «Волк бежит к стойбищу эскимосов тогда, когда слышит, что они разламывают нижние челюсти забитых животных, чтобы извлечь костный мозг» [Binford, 1978: 150]. Возможно, что предельно допустимой утилизацией охотничьей добычи можно объяснить сравнительно низкий удельный вес зубов нижней челюсти в фаунистических комплексах Рогалик II «А» и Рогалик VII.

Интерес представляет сходство негативных признаков в сопоставляемых фаунистических комплексах. В них за небольшим исключением отсутствуют кости черепной коробки, ребра и позвонки. Существенно, что два последних элемента скелета связаны с наиболее лакомыми частями туши [Binford, 1978: 41]. Об отсутствии позвонков, ребер, некоторых элементов скелета черепа лошади в материалах Каменной Балки II писали Н.Б. Леонова и Е.В. Миньков, которые предполагали, что причиной этому является начальная разделка убитых животных за пределами базовой стоянки [Леонова, 1985: 14; Leonova, Minkov, 1988: 225]. Близкую точку зрения высказала Д. Вест, которая считает, что отсутствие или малочисленность мясодержащих частей аксиального скелета и верхних частей конечностей лошади на эпиграветтских стоянках Центральной Европы обусловлено тем, что с килсайтов транспортировали только обрезанное мясо, оставляя на месте кости, в которых ко-

стного мозга содержалось мало [West, 1996: 227, 230]. По мнению Л. Бинфорда, отсутствие ценных в пищевом отношении элементов скелета в фаунистической коллекции может свидетельствовать, что указанные части были унесены с килл-сайта на базовую стоянку (reverse gourmet strategy) [Binford, 1978]. Такая стратегия, к примеру, была зафиксирована на некоторых стоянках среднего палеолита Западного Крыма [Patou-Mathis, 1999: 74]. Так, по мнению В. Чабая, Эн. Маркса и К. Монигал, фаунистический комплекс стоянки Староселье (слой 4), близкий по своей структуре к коллекции фаунистических остатков со стоянки Рогалик VII, то есть отличающийся отсутствием элементов аксиального скелета лошади и верхней части ее конечностей при избытии костей, богатых мозгом: метаподий, фаланг, а также отдельных костей черепа, сформировался в результате применения «стратегии гурманов», по Л. Бинфорду [Chabai, Marks and Monigal, 1999: 222]. Не имея достаточных материалов, чтобы присоединиться к одной из высказанных гипотез или их отвергнуть, мы полагаем возможным предложить новую версию. На наш взгляд, еще одно из наиболее вероятных объяснений заключается в характере пищевой утилизации данных элементов скелета, а также в воздействии тафономических процессов. Утилизация головного мозга, который у молодых особей животных рассматривался эскимосами как деликатес [Binford, 1978: 150], была связана с расчленением черепной коробки, тонкие пластины которой быстро разрушались силами природы.

Обнаруживая большое количество зубов на рассматриваемых стоянках, трудно допустить, что они оказались там без голов животных.

По данным Д. Вест, избытие лошадиных голов на позднепалеолитических стоянках обусловлено особенностями пищевого потенциала этого животного [West, 1996: 235–236]. У лошадей значительно меньше костного мозга, важного для организма палеолитического охотника, нежели у северных оленей и бовидов. Хотя лошадь весит примерно в два раза больше, чем карibu, содержание костного мозга в карibu более чем в 13 раз превышает аналогичный показатель у дикой лошади. Поскольку костного мозга в длинных костях лошадей в отличие от костей бовидов и северного оленя сравнительно немного, этот дефицит компенсировался утилизацией голов, в соста-

ве которых мозги, язык, носовые полости, губы были источником ценного структурного жира. Головы сравнительно легко отделяются от туловища лошади, и, имея вес около 20 кг, без особого труда могут транспортироваться одним человеком с килл-сайта на жилую стоянку. Ребра и позвонки в практике охотничьих народов расчленяются на сравнительно продвинутом этапе разделки и при этом, как правило, входят в разные базовые пучки [Binford, 1978: 60; Agenbroad, 1978: 39, fig. 15]. У эскимосов, начиная с древнейших времен, все части аксиального скелета убитых животных подлежали варке для приготовления мясного бульона [Binford, 1978: 137], вследствие чего разрушались. В условиях, когда было доступно свежее мясо, нунамиуты практиковали разрубание ребер на мелкие фрагменты и обсыывали свежеобрубленные концы, в силу чего на стоянках, где использовалось свежее мясо, ребра как элемент скелета исчезали. Таким образом, отсутствие костей черепной коробки, ребер и позвонков в Рогалике и, по всей видимости, в Каменной Балке II могло не столько отражать стратегию поэтапной разделки лошадей, сколько быть результатом применения определенных технологий приготовления пищи и ее употребления. К подобным выводам пришел К. Гэмбл, проанализировавший фаунистические остатки северного оленя в пещерной палеолитической стоянке Абри Пато [Gamble, 1986: 297].

Свой «вклад» в исчезновение позвонков и ребер с поверхности склона коренного берега, на котором размещены рогаликские стоянки, могли внести делювиальные и постседиментационные процессы. По данным Ворхаеза, эти элементы скелета легче всего перемещаются водой по склону [Cit. after Burke, 1999: 9], а по заключению Сандры Ольсен, именно лошадиные ребра и позвонки в культурных отложениях стоянки Солютре были зачастую сильно измельченными постседиментационными процессами [Olsen, 1989: 305].

Рассмотрение состава костей скелета дикой лошади, встреченных на некоторых Рогаликских местонахождениях, археологического контекста, сопровождавшего эти находки, заставляет нас склоняться в пользу объяснения возникновения этих фаунистических остатков как следствия последовательных непрерывных действий по расчленению убитых животных и их пищевой утилизации. Только лишь фаунистический комплекс Рогалик VII

дает основание предполагать, что части лошадиных туш, наиболее ценные в пищевом отношении, после первичной разделки могли быть унесены за пределы стоянки.

Большой интерес вызывает изучение фаунистических остатков бизона и северного оленя, встреченных на некоторых рогаликских стоянках (табл. 2). Состав этих костей, бесспорно, выборочный. Бизоньи кости представляют, как правило, части туши различной утилизационной ценности, находившиеся, по видимому, в анатомическом соединении. Так, в материалах Рогалика II «А» представлены кости задней ноги: большеберцовая, плюсовая и фаланга. В материалах Рогалика VII, где бизоньи кости наиболее многочисленны, представлены три большеберцовых кости и довольно много (15) метаподий и пястных костей, таранная кость; в фаунистической коллекции Рогалика XII – бедренная кость и кость заплюсны. Показательно, что именно большеберцовые кости из состава скелетов бизонов Амвросиевского костяка были представлены сравнительно меньше других костей, что объяснялось первоочередным извлечением данной части животного для пищевой утилизации [Леорова, Миньков, 1987: 42].

Зубы бизона серийно представлены лишь в коллекции Рогалика VII, где они, возможно, связаны с найденной там нижней челюстью.

Состав фаунистических останков бизона не дает оснований для выдвигания однозначной гипотезы, интерпретирующей эти находки. Наиболее вероятно предположение о том, что бизоньи кости появились на Рогалике в составе «пищевого пакета» («food parcel»), запасенного во время предшествующего рогаликскому эпизода (сезона?) охоты и принесенного сюда в качестве пищевой поддержки на время нового периода охоты. Стратегия хранения, запасания пищи первобытными охотниками получила широкое освещение в литературе о палеолите [Chatters, 1987: 332–353; Soffer, 1989; Frison, 1991], в этнографических и этноархеологических исследованиях поведения охотников недавнего прошлого [Binford, 1978, 1983, 1991; Testart, 1988: 1–13]. Бизоний промысел в азово-причерноморских степях был основой для существования позднпалеолитических охотников [Ефименко, 1953; Борисковский, 1953; 1964; 1989; Станко, 1996; Кротова, 1988; 1994; Сапожников, 1992; 1995; Краснокутский, 1992], поэтому давал возможности

создания запасов пищи для менее продуктивных для этого вида промысла сезонов года.

Сочетание частей высокой и низкой утилизационной ценности частей, запасенных для хранения, является обычным для практики многих охотничьих народов. Обобщая опыт эскимосов, Л. Бинфорд писал: «Конечности целые или за вычетом метаподий и фаланг попадают на резидентное местонахождение с килл-сайтов, мясных хранилищ и морозильников» [Binford, 1978: 137]. Такой вариант интерпретации наиболее приемлем для объяснения появления фаунистических останков бизона в материалах локализации Рогалик II «А», Рогалик III «В», Рогалик XII.

Для объяснения природы появления фаунистических останков бизона в материалах Рогалика VII возможна и иная версия. Присутствие костей черепа (нижняя челюсть, зубы) и значительного количества костей дистальной части конечностей достаточно типично для мест забоя животных (kill-sites) и их первичной разделки [Binford, 1978: 60]. Это может служить аргументом в пользу признания стоянки Рогалик VII местом забоя и первичной разделки не только лошади, но и бизона. Если признать эту гипотезу более вероятной, то паттерн утилизации лошади на стоянке Рогалик VII не отличался от паттерна утилизации бизона, мясные части которого могли уноситься с места забоя на резидентное поселение.

Еще более случайны в фаунистических коллекциях стоянок Рогалика кости северного оленя. Один зуб в материалах локализации Рогалик II «А» и две кости – тазовая и таранная – в материалах Рогалика XII явно не имеют прямого отношения к процессам разделки охотничьей добычи, как это было установлено на примере дикой лошади и, возможно, бизона на стоянке Рогалик VII.

Анализ фаунистических комплексов стоянок Рогалика свидетельствует о том, что их появление во многом было обусловлено охотой на дикую лошадь. Возможно, что в качестве дополнительного объекта охоты мог выступать бизон, причем не исключено, что бизонья охота по времени предшествовала заселению стоянок Рогалика. Скорее всего, что последнее предположение относится и к охоте на северного оленя.

Специализированная охота на дикую лошадь не совсем типична для азово-причерно-

морских степей, где главным объектом промысла человека в позднем палеолите выступал бизон. Это обстоятельство выдвигает на передний план проблему определения сезона жизнедеятельности охотничьих стоянок Рогалика.

**Сезон жизнедеятельности охотничьих
стоянок Рогаликско-Передельского района.
Способы охоты**

Имеющиеся в нашем распоряжении факты едва ли дают возможность высказать скольконбудь однозначное предположение о характере сезонности рогаликско-передельских стоянок и способах ведения охоты их обитателей. Вместе с тем, устранение от обсуждения этого сюжета не является оправданным, поскольку некоторой информацией мы располагаем, например, данными об этологии и экологии дикой лошади, о топографии стоянок, о характере культурного слоя, можем использовать обширный сравнительный материал по близким во времени и пространстве палеолитическим памятникам, содержащим в значительном количестве фаунистические остатки лошади, бизона и северного оленя.

Дикие лошади – животные, широко адаптированные ко всем районам европейской позднепалеолитической ойкумены. Л.М. Баскин приводит следующую характеристику образа жизни диких лошадей. Они постоянно перекочевывают с одного пастбища на другое, лишь в водопойный период переходя к большей оседлости. Для лошадей характерен пространственный консерватизм, который выражается в следовании определенными, набитыми тропами, в кочевке по территории определенного района. Степень мобильности лошадей сильно колеблется по сезонам и связана с обеспеченностью водой, кормом, глубиной снежного покрова, с активностью гнуса, наличием мест для укрытия от ветра и снежных бурь [Баскин, 1976]. Указанные факторы предопределили два возможных вектора миграции лошадей в позднеледниковье: широтный, как правило, по направлению плато, водоразделы (теплые месяцы года) – долины рек (холодные месяцы года) [Soffer, 1985: 477; Berger, 1986 cit. after Olsen, 1989: 324; Залізняк, 1996: 31; 1998: 106–111] и меридиональный, в направлении север – юг вдоль галерейных лесов речных долин [Верещагин, 1971; Степанов, 1976: 300–322; Soffer, 1985: 184; Залізняк, 1998: 106–111]. Способность добывать корм из-под

снега, неприхотливость в пищевом рационе, включающем полынь, корни, клубни многих растений, высохшие травы, осоки и т. п., пространственный консерватизм должны были ограничивать протяженность миграций диких лошадей рамками той или иной физико-географической области, того или иного региона.

По оценке Д. Вест, гаремные семьи не могли перемещаться на большие расстояния и каждый день и в течение года, так как их отягощало молодое потомство [West, 1996: 212].

Многочисленные археологические данные свидетельствуют о способности лошадей зимовать в перигляциальной зоне Европы, а не с биологическим автоматизмом уходить на юг [Верещагин, Кузьмина, 1982: 228; Weniger, 1987a: 293–307; 1989: 323–372; Straus, 1987: 154]. По словам Г. Венигера, «они достаточно мобильны внутри ареала своего постоянного обитания, но не следуют ясному сезонному паттерну мобильности» [Weniger, 1987b: 212].

С точки зрения оптимальной стратегии охоты наиболее эффективным временем лошадиного промысла могут считаться весна, а также конец лета – начало осени. Весной у лошадей происходит период гона, который продолжается в течение 1,5 месяцев [Баскин, 1976: 26–27]. Взрослые жеребцы, объединяя несколько маточных групп, создают косяк, насчитывающий от 15–20 до 30–40 голов. Недостатком весеннего промысла копытных считается истощение животных, их повышенная агрессивность. Поэтому более продуктивной могла быть охота в конце лета – начале осени, когда лошади достигают максимума упитанности [Soffer, 1985: 195] и, группируясь в большие стада, иногда до 1000 голов, движутся с водоразделов в долины, где находят укрытия от зимней стужи и корм в виде молодых побегов растений [West, 1996: 213]. В отличие от бизонов, лошади, совершая крупные передвижения по местности, не сбиваются в плотную массу, а сохраняют достаточную дистанцию между отдельными семьями [Olsen, 1989: 317], позволяющую в условиях сильно пересеченной местности охотникам иметь дело с отдельными группами животных.

Характер культурного слоя рогаликских стоянок дает основание думать, что их функционирование приходилось на относительно теплые периоды (сезоны) года [Горелик, 1993; Горелик, Виборний, 1999]. Здесь не найдены следы жилых конструкций, подобных, к при-

меру, тем, которые были выявлены на культурно-хронологически сопоставимых стоянках Осокоровка III-в [Колосов, 1964: 44-46] и Каменная Балка II, заселенных, по-видимому, и в зимнее время, были прослежены достаточно маломощные культурные отложения, в том числе вокруг очагов, конструкция и мощность прокала в которых вряд ли могли соответствовать зимним условиям.

Высокая топография, удаленность от речной долины, свойственные стоянкам Рогалика, по наблюдениям О. Соффер, отличали летние стоянки центра Восточноевропейской равнины от осенне-зимних, расположенных в долинах рек, что было обусловлено стремлением людей укрыться от многочисленных насекомых и гнуса, тяготевших к речным долинам [Soffer, 1985: 344].

Иными словами, приведенные выше аргументы дают нам основание склоняться в пользу функционирования стоянок Рогалика в относительно теплые периоды года.

Поскольку в весенне-летнее время лошади совершают регулярные передвижения к водопою с водоразделов и наоборот, а также вдоль склонов речных долин среди галерейных лесов, топография стоянок Рогаликско-Передельского района, открытые степные ландшафты представляли прекрасные возможности для слежения за их передвижениями, что уменьшало поисковое время. Пересеченный рельеф склонов речных и балочных долин создавал условия для ведения облавной и индивидуальной охоты «скрадом». Ввиду следующих особенностей этологии лошадей: «верхнее» зрение, то есть низкие предметы замечаются лошадьми плохо и вблизи; их принадлежность к животным, «следующим за лидером»; склонность при опасности сблизаться и держаться компактной группой, переходя к паническому бегству [Баскин, 1976: 25, 59; Straus, 1987: 172], – возможности экстенсивной охоты на них, как индивидуальной, так и облавной, были достаточно велики. Классическим примером регулярной охоты на диких лошадей в середине позднего палеолита является стоянка Солютре во французской провинции Бургундия, которая представляет собой брекчию («магму») толщиной 80 см, состоящую из лошадиных костей, расположенную под скалой. По оценке М. Левайн, брекчия возникла в результате повторяющегося забоя, возможно, тысяч лошадей в относительно ко-

роткий период времени [Cit. after Straus, 1987: 157]. Исследовательница реконструировала методы охоты «солутрейцев», главным из которых был загон стада, очевидно, в ограду, расположенную непосредственно возле берегового обрыва.

Эта же практика, по ее мнению, продолжалась и в мадленское время, о чем говорит верхний слой стоянки Солютре. Реконструкция охоты «скрадом», с загонем в овражно-балочный или речной береговой обрыв, возможно, с использованием изгородей, при помощи копий, дротиков, луков и стрел может являться применимой и для восстановления способов охоты финальнопалеолитического населения Рогаликско-Передельского района. С днищ оврагов, балок или, возможно, от подножья крутого склона коренного берега р. Евсуг туши забитых животных, очевидно, попадали на жилые площадки, расположенные на склоне коренного берега, где, как уже отмечалось, происходила их двухступенчатая утилизация.

Лошадь была ценным сырьевым и пищевым ресурсом палеолитических охотников. В качестве сырья, по-видимому, использовались шкуры, сухожилия, отдельные кости лошади.

Мясо дикой лошади, пригодное в пищу, составляет около 180 кг [Straus, 1977: 72]. Оно считается прекрасным пищевым ресурсом из-за высокой калорийности лошадиного жира, незаменимого для человеческого организма в условиях холода, постоянной подвижности, тяжелой физической работы [Levine, 1998: 90-100]. Мясо лошадей является важным источником витаминов, минералов и аминокислот, уникальных жирных кислот, необходимых для профилактики многих смертельно опасных для жизни человека заболеваний. Вместе с тем, по наблюдениям Д. Вест, вследствие недостатка мозга и жира в костях лошади эпиграветтские охотники Центральной Европы никогда не рассматривали ее как первоочередной пищевой ресурс [West, 1996: 241], предпочитая северного оленя. По-видимому, и для населения Рогаликско-Передельского района сезонный специализированный промысел дикой лошади в теплые периоды года был только частью годовичного охотничьего репертуара, дополнительно включавшего, как свидетельствуют фаунистические коллекции, охоту на бизона и северного оленя. В наиболее выраженной форме этот репертуар отражают фаунистические коллекции каменнобалковских

стоянок, в которых присутствуют два ведущих вида: бизон и лошадь, и в меньшем количестве – северный олень. Есть основания думать, что охота на северного оленя и бизона велась в азово-причерноморских степях в зимние месяцы года. В таком случае сочетание лошади, бизона и северного оленя в структуре охотничьего промысла населения финального палеолита степной зоны Днепро-Донского междуречья

может отражать региональное своеобразие жизнеобеспечения населения данного региона, возможно, сформировавшееся с началом распада мамонтового фаунистического комплекса. Очевидно, с окончанием ледникового периода удельный вес дикой лошади в составе охотничьей добычи здесь постоянно возрастал, что могло сопровождаться приручением отдельных особей.

Литература

Баскин Л.М. Поведение копытных животных. – М.: Наука, 1976.

Бибикина В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюл. МОИП; Отделение биологии. – 1967. – Т. 72. – Вып. 3.

Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. – 1953. – № 40.

Борисковский П.И. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области: Докл. на VII Международной конференции антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964.

Борисковский П.И. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (на примере степной зоны) // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. – Л.: Наука, 1989.

Верецагин Н.К. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Труды Зоологического института АН СССР. – 1971. – Т. 49.

Верецагин Н.К., Кузьмина И.Е. Фауна млекопитающих // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979. – Л.: Наука, 1982.

Горелик А.Ф. Некоторые итоги предварительного пространственно-функционального анализа Рогаликской группы местонахождений позднего палеолита // История, политология, экономическая теория. – Луганск, 1993.

Горелик О.Ф. Рогалицько-Передільська група // Словник-довідник з археології. – К.: Наук. думка, 1996а.

Горелик А.Ф. Культурные различия в материалах Рогаликско-Передельской группы синхронных стоянок финального палеолита (Луганская область) // Археологический альманах. – Донецк, 1996б. – № 5.

Горелик О.Ф., Выборный В.Ю. Просторовий аналіз фінальнопалеолітичної стоянки Передільське I (басейн Сіверського Дінця) // Археологічна збірка Херсонської обласної державної інспекції охорони пам'яток. – Херсон, 1999. – № 1.

Ефименко П.П. Первобытное общество. – 3-е изд. – К.: Изд-во АН УССР, 1953.

Залізник Л.Л. Палеоекономічна реконструкція суспільства степових мисливців // Археологія. – 1996. – № 3.

Залізник Л.Л. Передісторія України X–V тис. до н. е. – К.: Бібліотека українця, 1998.

Колосов Ю.Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая балка, Ямбург) // САИ. – 1964. – 1–5.

Котова Н. Материалы к проблеме domestикации лошади // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 1998.

Краснокутский Г.Е. Охотничий промысел бизонов в позднем палеолите Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. – К., 1992.

Кротова О.О. Про господарську діяльність пізньопалеолітичного населення степової зони Східної Європи // Археологія. – 1998. – № 64.

Кротова О.О. Виробництво та суспільні відносини населення Північного Причорномор'я в добу пізнього палеоліту // Археологія. – 1994. – № 1.

Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. – СПб.: Зоологический институт РАН, 1997.

Леонова Н.Б. Планиграфическое исследование свидетельств утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // КША АН СССР. – Вып. 181. – М., 1985.

Леонова Н.Б., Миньков Е.В. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костыща – уникального памятника позднего палеолита Приазовья // Проблемы интерпретации археологических источников. – Орджоникидзе, 1987.

Локтюшев С.А. Палеолітична стоянка Якимівська балка на р. Євсуг Ворошиловградської області // Палеоліт і неоліт України. – Т. 1. – К., 1947.

Пучков П.В., Журавльов О.П. Чи існували вершинство і кіннота за кам'яної, мідної та бронзової доби? // Археологія. – 2000. – № 2.

Сапожников И.В. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области // КСИА. – 1992. – Вып. 206.

Сапожников И.В. Причерноморские степи в позднем палеолите – природно-хозяйственная и культурная специфика // Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. – Одесса; СПб., 1995.

Станко В.Н. Охотники на бизонов в позднем палеолите Украины // Археологический альманах. – № 5. – Донецк, 1996.

Степанов В.П. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР // Проблемы общей физической географии и палеогеографии. – М., 1976.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // Матер. и исслед. СССР. – № 51. – М., 1956.

Agenbroad L.D. The Hudson – meng site: an Alberta bison kill in the Nebraska high plains. – Caldwell, 1978.

Bahn P.G. The «unacceptable face» of the West European Upper Paleolithic // Antiquity. – 1978. – LII.

Binford L.R. Nunamiut Ethnoarchaeology. – New York – San-Francisco – London: Academic Press, 1978.

Binford L.R. In Pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record. – London: Thames and Hudson, 1983.

Binford L.R. When the going gets tough, the tough get going: Nunamiut local groups, camping patterns and economic organization // Anthropological Approaches to Mobile Campsites / Ed. By C.S.Gamble & W.A.Boismier. – Ann Arbor, Michigan, 1991.

Burke A. Butchering and scavenging of the Middle Paleolithic site of Starosele // The Middle Paleolithic of Western Crimea. – ERAUL, Liege, 1999.

Chabai V., Marks A. and Monigal A. Western Crimea Middle Paleolithic, Paleoenvironment and Paleoeconomy // The Middle Paleolithic of Western Crimea. – ERAUL, Liege, 1999.

Chatters J.C. Hunter-gatherer adaptation and assemblage structure // Journal of Anthropological Archaeology. – 1987. – № 6.

Frison G.C. Prehistoric Hunter of the High Plains. Second Ed. A Volume in the New World Archaeological Record Series. – New York: Academic Press, 1991.

Gamble Cl. The Palaeolithic Settlement of Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Klein R.G. Reconstructing How Early People Exploited Animals: Problems and Prospects // The Evolution of Human Hunting. Ed. By M.H. and

D.V.Nitecki. – New York and London: Plenum Press, 1987.

Leonova N.B., Minkov E.V. Spatial Analysis of Faunal Remains from Kamennaya Balka II // Journal of Anthropological Archaeology. – 1988. – № 7.

Levine M.A. Mortality models and the interpretation of horse population structure // Hunter – gatherer econome in Prehistory: a European Perspectives. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.

Levine M.A. Eating horses: the evolutionary significance of hippophagy // Antiquity. – V. 72. – N. 275. – 1998 March.

Musil R. Hunting during the Upper Paleolithic in Middle Europe // La Chasse dans La Prehistoire. Colloque international. Treignes. – Belgique, 1990.

Patou-Mathis M. Archaeozoological analysis of the Middle Paleolithic fauna from selected levels of Kabazi II // // The Middle Paleolithic of Western Crimea. – ERAUL, Liege, 1999.

Soffer O. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. – Orlando, Florida: Academic Press, 1985.

Soffer O. Storage, sedentism and the Eurasian Paleolithic record // Antiquity. – Vol. 63. – № 241. – 1989 December.

Straus L.G. Of Deerslayers and Mountain Men: Paleolithic Faunal Exploitation in the Cantabrian Spain // For Theory Building in Archaeology. Ed. by L.R.Binford. – New York – San-Francisco – London: Academic Press, 1977.

Straus L.G. Hunting in Late Upper Paleolithic Western Europe // The Evolution of Human Hunting. Ed. by M.H. and D.V. Nitecki. – New York and London: Plenum Press, 1987.

Testart A. Some Major Problems in the Social Anthropology of Hunter – Gatherers // Current Anthropology. – Vol. 29. – № 1. – 1988 February.

Weniger G.C. Magdalenian Settlement and Subsistence in South-West Germany // Proceeding of Prehistoric Society. – 1987a. – V. 53.

Weniger G.C. Magdalenian Settlement pattern and Subsistence in Central Europe // The Pleistocene of the Old World. Ed. by Olga Soffer. – New York, 1987b.

Weniger G.C. The Magdalenian in Western Central Europe: Settlement Pattern and Regionality // Journal of World Prehistory. – Vol. 3. – 1989. – № 3.

West D. 1996. Horse hunting, processing and transport in the Middle Danube // Paleolithic in the Middle Danube Region. Anniversary volume to Bohuslav Klima. Ed. by Yuri Sloboda. – Brno, 1996.

Список скорочень

- АА** – Археологический альманах.
- АДЛ** – Археологічні дослідження на Львівщині.
- АИУ** – Археологические исследования на Украине в 1976–1977г.г.
- АО** – Археологические открытия.
- АОН** – Археологические открытия на новостройках.
- АП УРСР** – Археологічні пам'ятки УРСР.
- АСГЭ** – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- АЮЗР** – Акты Юго-Западной России.
- БМОИП** – Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии.
- ВАА** – Вопросы археологии Адыгеи.
- ВАУ** – Вопросы археологии Урала.
- ВАН** – Вісник Академії наук УРСР.
- ВДИ** – Весник древней истории.
- ЗООО** – Записки Одесского археологического общества.
- ВОІКК** – Вінницька обласна Історико-краєзнавча конференція.
- ІУ НАН України** – Інститут українознавства ім.І.Крип'якевича НАНУ.
- КСИА** – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИИМК** – Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- ЛІМ** – Львівський історичний музей.
- МАСП** – Материалы по археологии Северного Причерноморья
- МДАПВ** – Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НА ІА НАНУ** – Науковий архів Інституту археології НАН України.
- НЗІТ** – Нариси з Історії техніки.
- НТШ** – Наукове товариство імені Т.Г.Шевченка.
- ПС** – Палеонтологический сборник.
- ПУ** – Пам'ятники України.
- РА** – Российская археология.
- СА** – Советская археология.
- СПІКСНУ** – Скелі й печери в історії та культурі стародавнього населення України. Збірник тез повідомлень та доповідей.
- ТИЭ** – Труды Института этнографии АН СССР.
- AR** – Archeologické Rozhledy.
- М NI** – минимальное количество особей.
- MNB** – минимальное количество определенных костей.
- SP** – Stratum Plus.
- SROA** – Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego.
- VBGAEU** – Verhandlungen der Berliner Gesellschaft fuer Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte

Наукове видання

VITA ANTIQUA

2001

№ 3–4

**Збірка наукових статей
російською та українською мовами**

Фото на обкладинці зроблено Гладких М.І. (Межиріч. Житло № 4.)

Редактор та упорядник збірки *Рижов С.М.*
Редактор англійських текстів *Репік Д.В.*
Художнє оформлення *Бородай Ю.О.*
Технічний редактор *Гриненко Н.С.*
Коректор *Шкиря Т.Г.*

Підп. до друку 1.11.2001 р. Формат 60x84/8.
Папір офс. Друк офс. Гарнітура BookUkr.
Ум. друк. арк. 25,3. Об.-вид. арк. 24,7.
Наклад 300 прим.
Замовл. № **047**

Видавництво «Стилос».
04070, Київ–70, Контрактова пл., 7.
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 150 від 16.08.2000 р.)

Надруковано з готових плівок ТОВ «Поліграфічний центр «Фоліант».
04176, Київ–76, вул. Електриків, 26.
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.)